

— Господин Сюй, прошу.

Перед Те Сюанем стояла небольшая жаровня с углями, на которой лежала медная поющая чаша*. В ней подогревался кувшин османтусового вина, заполняя комнату благоуханием.

* Использовалась в Тибете, Непале, Индии, Бутане, Китае, Японии и Корее как часть религиозных обрядов. По ней либо ударяют колотушкой, либо неторопливо водят пестом, в результате чего рождается продолжительный, «поющий» звук.

— Старший брат господина Сюя охраняет Янчжоу, так что, должно быть, вы пили немало османтусового вина из Цзяннани. Попробуйте, каково на вкус моё.

Усевшись, Юньци ответил:

— Я почти его и не пил. Мы со вторым братом... и старшей сестрой не очень близки. Они относятся ко мне довольно прохладно.

Те Сюань приподнял брови и загадочно произнес:

— Если говорить о наследовании семейного учения, каков господин Сюй в сравнении с супругой Янь-вана?

Юньци подумал и вздохнул:

— Я не так хорош, как моя старшая сестра.

Тие Сюань улыбнулся:

— Но всё же вы потомок семьи Сюй. Слышал, в своё время из-за должности командира Цзиньвэй при дворе разгорелись немалые споры. Покойный император совершил роковую ошибку, назначив на этот пост Тоба Фэна, что и привело к последующим бедам...

«Что он пытается сказать? Это Чжу Юньвэнь поручил ему спросить об этом?» — мысли молнией пронесли в голове Юньци, и он ответил:

— Господин Те, у Тайцзу были свои соображения, и не нам строить излишние догадки.

Те Сюань слегка замер, словно что-то припомнив, затем произнёс:

— Когда покойный император скончался, говорят, подле него находился только командир Сюй. Могли ли поинтересоваться, что он тогда услышал?

Юньци впал в ступор. Он не ожидал, что Те Сюань вдруг заговорит об этом. Его мысли вернулись к моменту, когда Чжу Юаньчжан был при смерти, и он медленно произнес:

— Он сказал: «Песня о печёных лепешках Лю Цзи...»

Те Сюань кивнул, и Юньци усмехнулся:

— Разве в кабинете наследного принца не висит свиток с «Песней о печёных лепешках»? Вернитесь и снимите его, чтобы взглянуть. Может, тогда удастся найти какое-нибудь завещание... Господин Те, вино уже подогрелось.

Те Сюань сказал:

— Просто пить вино скучновато. На книжной полке лежат закуски. Господин Сюй, не сочтите за труд принести их.

Юньци пошарил по книжной полке и, развернув свёрток на ней, внезапно содрогнулся от испуга.

В свёртке из промасленной бумаги лежала говядина, а рядом стоял маленький фарфоровый пузырёк, но его потрясло не это.

Дело в том, что... Юньци увидел Императорский меч!

И это была не подделка, что Сун Чжун держал в руках, когда Янь-ван въезжал в столицу, а подлинный, единственный во всей Великой Мин, настоящий Императорский меч, лично пожалованный Чжу Юаньчжаном Цзиньивэй!

Как он оказался здесь? Юньци помнил, что перед отъездом из Нанкина самолично вручил его Жун Цину. Неужели Чжу Юаньчжан забрал её у Жун Цина и отдал Те Сюаню?!

Ладони Юньци в мгновение ока стали влажными от пота.

Те Сюань сказал:

— Рядом ещё стоит фарфоровый пузырёк. Господин командир, будьте добры, принесите и его.

Тёплое вино, божественный нектар и аромат османтуса.

Те Сюань встряхнул кувшин с вином и налил две чаши. Юньци не отрываясь смотрел ему в глаза и протянул руку к чарке.

— Пойдите, — Те Сюань остановил руку Юньци, их пальцы на мгновение соприкоснулись и тут же разошлись.

— В своё время весть о покушении Тоба Фэна на внука императора разлетелась по всему чиновничьему двору и стала известна за его пределами. Почему же командир Сюй отпустил его? — Те Сюань вытащил пробку из фарфорового пузырька и рассеянно произнёс: — Почему вы не убили его, чтобы в угоду Янь-вану замять дело?

Юньци успокоился и ответил:

— Из-за личной привязанности, только и всего. В конце концов, я не мог смириться с его гибелью. Чей приказ приехал исполнить господин Те? Великого воспитателя? Или внука императора?

Те Сюань медленно проговорил:

— Вам следует называть его императором, господин Сюй. Не стоит по-прежнему воспринимать его внуком императора.

Юньци улыбнулся:

— Сюй Юньци знает только внука императора, с императором он не знаком.

Те Сюань наклонил фарфоровый пузырек и высыпал немного порошка в винную чарку, безмятежно произнеся:

— Внук императора послал меня выяснить, не вступил ли командир Сюй в сговор с Янь-ваном... И только что я увидел, как Ма Саньбао покинул лагерь...

Услышав это, Юньци с сомнением спросил:

— Саньбао покинул лагерь? Куда же он отправился?

Те Сюань слегка опешил, затем с насмешкой возразил:

— Раз уж дело дошло до такого, к чему хитрить?

Юньци кивнул и сказал:

— Верно. Но если бы я вступил в сговор с Янь-ваном, разве не возглавил бы разбитые войска Ли Цзинлуна и не отправился в Пекин? Зачем тогда мне приезжать в Дэчжоу?

Те Сюань холодно процедил:

— Давайте пока это оставим. Господин Цюй отдал жизнь за страну. Вы же — армейский инспектор, так почему не доложили об этом? Наоборот, вы возложили вину за поражение на верного слугу. Ваших прегрешений не искупить даже смертью. Когда Цзиньивэй вершили суд при дворе, сколько же талантливых генералов они погубили. До того дошло, что сегодня при дворе не осталось пригодных военачальников, и потому смутьяны могут бесчинствовать и творить беззаконие. Миллионы жизней — на вашей совести.

— Внук императора послал вас лишь расследовать, вступил ли я в сговор с врагом, господин Те, — вызывающе улыбнулся Юньци. — Раз вы не обнаружили моей связи с врагом, это вино я пить не могу. Кушайте на здоровье. С вашего дозволения, я откланиваюсь.

С этими словами он поднялся, собираясь уйти. Те Сюань, не ожидав, что этот человек окажется таким изворотливым, тут же нахмурился и холодно усмехнулся:

— Куда это вы? Вокруг лагеря расставлены головорезы с мечами и топорами. Стоит вам сделать шаг за пределы шатра, и вас изрубят в клочья.

Рукав Юньци слегка дрогнул, и Те Сюань добавил:

— Я заранее отдал главнокомандующему Ли приказ о том, чтобы, если меня возьмут в заложники, нас убили вместе. У Те Сюаня нет ни семьи, ни состояния, я вышел из престоляродья. Обменять свою жизнь на жизнь командира Цзиньивэй — в конечном счёте, выгодная сделка.

Юньци глубоко вздохнул.

Те Сюань некоторое время помолчал и произнес:

— Не верите?

С этими словами он снова насыпал порошка в свою чарку, поднял её и сказал:

— Командир Сюй, предлагаю выпить за вас.

С самого момента, как попал в эту ловушку, Юньци лишь оборонялся. Теперь же он спросил:

— Внук императора в самом деле велел вам убить меня?

Те Сюань ничего не ответил. Он поднял свою чашу, одним глотком осушил её и

непринуждённо показал дно.

Те Сюань решил покончить с собой вместе с ним — у Юньци не осталось и тени надежды. В растерянности он выпил османтусовое вино, оказавшееся терпким на вкус.

Те Сюань спросил:

— Что бы вы напоследок хотели передать императору?

Юньци, наоборот, перестал сопротивляться и сидел спокойно. Спустя долгое время он произнёс:

— Скажите ему, что, последовав за ним в этой жизни, я совершил ужасную ошибку.

Юньци в изнеможении закрыл глаза. Живот скрутило резкой болью, и он рухнул на землю.

Те Сюань долго лежал, склонившись над столом, а затем, спустя мгновение, с трудом поднялся. Юньци приоткрыл глаза и увидел, как Те Сюань, еле двигаясь, доплёл до входа, вытащил из-за пазухи маленький свёрток с лекарством, высыпал себе в рот изрядную долю порошка и лишь тогда, пошатываясь, выбежал из военного шатра.

Юньци подумал: «Те Сюань, чтоб тебя!»

У Полуденных ворот палило знойное солнце, всюду валялись обугленные головешки и разбитая черепица.

Тоба Фэн, почти полностью обнажённый, в одних лишь коротких тонких штанах лежал ничком на скамейке перед Полуденными воротами.

Кожаный хлыст, смоченный в солёной воде, безжалостно хлестал его мускулистую спину, и с каждым ударом плоть разрывалась, обнажая мясо.

— Хлясь!

Цзян Хуань громко кричал:

— В покоях императора вспыхнул пожар, весь дворец охватил огонь, а где был ты?!

— Ты — командир Цзиньивэй, а прознал об этом последним! Почему не бросился спасать императора и наследного принца! Где ты был?!

Тоба Фэн, стиснув зубы, терпел. Короткие штаны на бёдрах уже пропитались кровью, окрасившись в багрово-красный цвет. Всё тело было залито кровью, которая стекала по длинным ногам на землю, образуя у Полуденных ворот огромную лужу.

Принцесса Шоучунь, не выдержав этого зрелища, развернулась и ушла.

— Испугался пожара?! Упал в обморок в императорском саду?! — Цзян Хуань в истерике орал:
— Никчёмный отброс!

— Ничтожество!

— Он пришёл спасти меня... — прошептал тринадцатилетний Юньци. — Когда начался пожар, ши-гэ пришёл спасти меня...

Маленький Юньци громко закричал:

— Хватит его бить! Он же... — Не успел он договорить, как Су Ваньжун в ужасе крепко зажала ему рот ладонью.

Сотня стражников у Полуденных ворот воочию лицезрела, как избивают Тоба Фэна, и эти удары плетью доставляли им истинное удовольствие.

Вдобавок постоянные крики Цзян Хуаня «Ничтожество!» оставили очередное чёрное пятно на карьере телохранителя Тоба Фэна.

— Ты, дворняга! Когда император находился в опасности, где ты прятался?! — Яростный рёв Цзян Хуаня эхом разносился над площадью у Полуденных ворот.

— Хватит его бить! — рыдал маленький Юньци. — Хватит...

— Бросить! — скомандовал Цзян Хуань.

Четверо страж Цзиньивэй подхватили Тоба Фэна и с силой швырнули на землю. Юноша сплюнул поток крови и потерял сознание.

В комнате от жаровни для перегонки лекарств исходил едкий запах.

Маленький Юньци, всхлипывая, повернулся, чтобы налить лекарство, но руки его не переставали дрожать, и он пролил немного снадобья на Тоба Фэна.

— Всё ещё больно? — сквозь слёзы спросил маленький Юньци. — Ши-гэ, не умирай...

Тоба Фэн, измождённый, взял Юньци за руку и пробормотал:

— Кто угодно может умереть... только не ты...

— Пусть все умирают... но тебе нельзя...

Глухой раскат грома вырвал Юньци из далёких воспоминаний.

— Нельзя... умирать.

В шатре никого не было. Неизвестно, куда ушёл Те Сюань. Раздался ещё один оглушительный грохот. Юньци из последних сил протянул руку, вслепую шаря по столу. Он прокинул чернильный камень, тушь залила его одежду, и наконец он нащупал кисть из козьего волоса.

Юньци сунул её себе в горло, резко наклонился, и его начало сильно рвать. Внутри всё будто переворачивалось, и он даже выплюнул целую лужу крови.

От третьего оглушительного раската грома затрещали столы и стулья.

В такое время года? И вдруг гром? Юньци внезапно пришёл в себя и вспомнил о заложенной вокруг лагеря взрывчатке.

Беда! Караул Дояня напал на лагерь! Юньци снова вырвало на стол, резкая боль в животе понемногу ослабла, и он, пошатываясь, выбежал из шатра.

За пределами палатки не было ни души. Во-видимому, Ли Цзинлун и Те Сюань отвели всех в другое место. Юньци с трудом добежал до входа в лагерь и спрятался в тёмном месте. Спустя мгновение мимо поспешно прошёл отряд пехотинцев.

Взмахнув рукой, Юньци метнул клинок Чаньи и убил последнего в строю. Он оттащил его за пленницу, переоделся в одежду рядового солдата и бездумно выбежал из лагеря, направившись к месту, где была заложена взрывчатка.

Получив приказ Чжу Ди, Тоба Фэн повёл караул Дояня атаковать лагерь.

Как раз в полдень, стояло передовому отряду войти в минное поле, как сразу рванули несколько зарядов.

Тоба Фэн сначала опешил, затем закричал:

— Не паникуйте! Стойте все на месте, не двигайтесь!

Караул Дояня отличался высокой боевой дисциплиной и после кратковременного замешательства дружно затих. Тылы начали организованно отступать.

Однако Те Сюань уже всё заранее спланировал, разве позволил бы он им сбежать? Не прошло и мгновения, как сзади из леса выскочили лучники южной армии с мощными арбалетами, и несколько огромных пушек Шэньу* открыли огонь по тридцатитысячному войску караула Дояня.

* «Шэньу» (神砲) — досл. божественный / священный, воинственный / военный. Эпитет, используемый для описания великого полководца или императора, личности с величественной внешностью и поведением. Согласно Википедии, здесь может идти речь о «великой божественной пушке» (神砲), которая могла весить до 600 килограммов и была способна одновременно выпускать несколько железных ядер и более сотни железных картечных зарядов.

Тоба Фэн скомандовал:

— В строй! Братья, за мной!

Приказ Чжу Ди всё ещё звучал в его ушах — он не мог позволить себе рисковать жизнями солдат из караула Дояня. Тоба Фэн никоим образом не смел отдать своим людям приказ идти на минное поле, а самому следовать за ними.

Ли Цзинлун с восторгом воскликнул:

— На этот раз, если они снова пойдут в атаку, караул Дояня, пожалуй, потеряет восемь десятых состава. Господин Те, великолепный ход!

Хотя Те Сюань и принял противоядие, но всё ещё был слаб. Устало кивнув, он сказал:

— Этот план заключается в том, что вражескому главнокомандующему не остаётся ничего иного, как посылать своих солдат на убой. Все уроженцы земель за Великой стеной чтят обет делить друг с другом и жизнь и смерть, и славу и позор. К ханьской стратегии «пожертвовать пешкой, чтобы спасти ладью» они питают глубочайшее отвращение. Таким образом, их ряды непременно расколются, а боевой дух падёт. Вскоре они превратятся в черепах в глиняном чане*. Так что приготовьте войска, в предстоящей облаве мы одержим победу

* Черепаха в глиняном чане (陶器) — обр. в знач.: находиться в ловушке.

Однако Ли Цзинлун сказал:

— Ничего страшного. Давайте подождём, пока несколько подорвутся, а потом пошлём людей, чтобы убедить их сдаться.

Оказавшись меж двух огней, Тоба Фэн ничуть не растерялся и громко скомандовал:

— Все слезайте с лошадей!

Едва прозвучали эти слова, как воины один за другим спешили. Дояньский отряд славился своей доблестью и никогда не терпел поражений. Однако все понимали, что сегодня настал роковой момент, и это воспламенило их волю сражаться насмерть. Увидев, что южная армия послала кого-то, чтобы убедить их сдаться, Тоба Фэн на месте застрелил этого человека из лука, и все разразились кличем, готовые пожертвовать своими жизнями.

Тоба Фэн скомандовал:

— Отпускайте коней на минные ловушки! Мы прорвёмся вслед за ними!

Когда он договорил, кавалеристы погнали лошадей, вонзая в их крупы клинки. Десять тысяч скакунов, вздыбившись, с ржанием ринулись в сторону минного поля!

Тоба Фэн же, по-прежнему оставаясь в седле, выхватил свой меч Сючунь. На лезвии отражался ослепительный солнечный свет, и он героически взревел:

— Юньци!

На растянувшейся на сотни ли равнине тут же разразился сотрясающий небо и землю взрыв.

Те Сюань готовился к любому исходу, поэтому заложил огромное количество взрывчатки. Не преодолев и половины ли, все лошади уже погибли. Тоба Фэн, движимый яростью, держал в памяти лишь указание Чжу Ди и сам бросился вперёд, но подорвался на mine.

С оглушительным грохотом Тоба Фэна отбросило взрывной волной на три чжана прочь, а его боевой конь разлетелся на куски.

Пошатываясь, он поднялся на ноги. Взрывы гремели повсюду. Увидев, что главнокомандующий готов пожертвовать своей жизнью, караул Дояня позабыл о собственной безопасности и решительно взревел, отчаянно ринувшись вперёд.

Тоба Фэн, в железных доспехах, сплошь залитых кровью, едва успел сделать пару шагов, как грянул новый взрыв.

На этот раз удар пришёлся прямо по его телу. Хотя его защищали доспехи и железные латы, всё же взрыв отбросил его прочь, он харкнул кровью и рухнул далеко в стороне.

Плащ Тоба Фэна полыхал в море огня, нагрудник под страшным давлением ударной волны искривился. Во время падения он случайно приземлился на другую мину, что вызвало очередной оглушительный взрыв.

Бушующее пламя поглотило равнину за пределами Цзинаня.

— Ши-гэ!

Внутри Тоба Фэна циркулировала энергия, защищая меридианы. Он из последних сил поднялся и выхватил меч, готовый снова броситься вперёд, но его безжалостно поглотили языки пламени.

— Ши-гэ! — слабо окликнул его Юньци. Он лишь мгновение наблюдал за тем, как рано утром закладывали мины, но запомнил все точки взрыва. Теперь он бросился в строй, едва успев схватить одного человека, и крикнул: — За мной!

Пламя охватило всё тело Тоба Фэна, доспехи раскалились докрасна. Он с трудом сбросил железные латы, швырнул их на землю и, обнажив грудь, собрался двигаться дальше, но в ключице возникла жгучая боль.

Огонь добрался до его кожи, пережёг красный шнурок на шее, и маленький жёлтый тканевый мешочек упал на землю, бесшумно превратившись в пламени в пепел.

Жёлтый даосский амулет, который Юньци подарил ему на прощание, в огне раскрылся, покоровился и, обратившись в пепел, разлетелся.

Ослепительная молния рассекла землю перед ним. Над равниной пронёсся ураган, подхватив пламя и устремившись к лагерю южной армии.

В мгновение ока взметнулся песок и полетели камни. Ли Цзинлун в панике закричал:

— Что происходит!

— Небесное... небесное знамение? — порывы ветра отбрасывали Те Сюаня всё дальше назад.

В тот миг внезапно поднялась буря, затмившая небо и землю. Она взметала палатки южной армии, опрокидывала их флаги и ломала флагштоки. Всё уносилось ветром в сторону Цзинаня.

Всё произошло в мгновение ока. Прежде чем Те Сюань успел придумать запасной план, небо полностью потемнело. Бесчисленные мрачные тучи сплошной пеленой затянули небо, прогремел гром, и засвирипствовал ураган.

В одиннадцатом месяце обрушился такой ливень, что мир меж небом и землёй в одночасье затопило ослепительно белой водой.

Пламя утихло. Тоба Фэн стоял под проливным дождём и разглядывал человека вдали.

— Юньци!

— Не подходи! — громко крикнул Юньци и вдруг осознал одну вещь: взрывчатка отсырела.

Остатки армии наконец собрались посреди свирепого урагана. Под тёмным, как смоль, небом развевалось лишь большое знамя с иероглифом «Сюй».

Те Сюань быстро сориентировался, и южная армия всем составом ринулась в убийственную атаку навстречу сильному ветру. Когда Юньци и Тоба Фэн встретились, то не успели ничего сказать. Вдвоём на одном коне они в спешке бросились бежать сквозь хаос сражения.

Вновь разразились боевые кличи, и вдали поднялось знамя с иероглифом «Чжу» — прибыл Чжу Цюань.

— Держись крепче! — бодро скомандовал Тоба Фэн.

— Я только что послал Саньбао доложить... — крикнул Юньци позади Тоба Фэна.

Тоба Фэн ответил:

— Ши-гэ виноват! Слишком поторопился!

В тот миг две армии, общей численностью почти пятьдесят тысяч человек, столкнулись друг с другом. С небес обрушивались ливень и молнии, а земля была усеяна трупами. Знаменосец с флагом «Сюй» устремился к Чжу Цюаню, и два знамени сошлись в одном месте. Чжу Цюань снова принял командование караулом Дояня и повёл в наступление десятки тысяч воинов. Тысячи три отважных всадников единым порывом бросились с возвышенности в атаку.

Положение на поле боя снова переломилось, и южная армия очередной раз потерпела поражение. Мятежные войска напоминали приливную волну. Тоба Фэн несколько раз пытался вернуться в свои ряды, но оказался зажат среди отступающих солдат и не смог пробиться.

Ему ничего не оставалось, как сменить направление и вырваться из боевого строя. Оглянувшись, он заметил, что ещё один отряд отделился от линии передовой и устремился в погоню за ними двумя.

— Те? — Тоба Фэн опознал знамя.

Юньци воскликнул:

— Быстрее, бежим! Нас преследует отряд Те Сюаня! Он не смог смириться с тем, что я сбежал...

Тоба Фэн пришпорил коня и погнал во весь опор. Они всё ещё были далеко от войск Чжу Цюаня, и если бы сейчас повернули назад, их бы точно схватили, так что пришлось второпях бесцельно бежать на север.

Покачиваясь на скаку, Тоба Фэн всё же не удержался от вопроса:

— А что случилось между тобой и Те Сюанем...

Только теперь Юньци наконец обрёл мгновение покоя и обнял крепкий стан Тоба Фэна, прильнув к нему так, словно ни за что не хотел отпускать. Его мощная спина никогда ещё не казалась такой надёжной, как сейчас.

— Он исполнял приказ Юньвэня... поднёс мне чашу отравленного вина. — выдохнул Юньци, расходуя последние силы. Голос его становился всё слабее.

Приникнув к обнажённой спине Тоба Фэна, он закрыл глаза.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326095>